

Лето две тысячи первого года. Обычная двухкомнатная квартира в подмосковном посёлке Нахабино. За столом седоволосая с чуть уставшим взглядом женщина. Прямая осанка, поднятая голова. Полковник инженерных войск Елена Дмитриевна Карбышева уже давно в отставке, но осанку, как и правильный русский язык, внутреннее достоинство и такт — никакими обстоятельствами изменить невозможно. Она первая женщина-курсант Высшего инженерно-технического Краснознамённого училища Военно-морского флота. Награждена медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией»; орденами Красной звезды, Дружбы народов и другими правительственными наградами. Многие годы возглавляла карбышевское движение в Советском Союзе.

О своём отце — легендарном генерале Карбышеве — Елена Дмитриевна рассказывает спокойно и даже как-то обыденно. Конечно, ей многократно приходилось отвечать на вопросы, выступать на митингах, делиться с молодёжью и детьми своими воспоминаниями. Она мимолётно отмечает, что в последнее время её почти пере-

Е.Д. Карбышева

стали приглашать на мероприятия, связанные с памятью об отце. К сожалению, наступили годы, когда в очередной раз пытаются отречься от своего прошлого. Сетует, что остались ещё какие-то вещи, и она готова передать их в местный музей, но в Нахабине, где она теперь живёт, нет краеведческого музея. С подмосковным посёлком связана почти вся её жизнь. Здесь, на Полигоне — научно-исследовательской экспериментальной базе инженерных войск Красной армии — Дмитрий Михайлович трудился. Последняя весточка от отца тоже пришла сюда, они тогда всей семьёй жили в Нахабино на даче. Потом научно-исследовательскому институту было присвоено имя генерала.

Мы разговаривали несколько часов, пили чай. Было ещё несколько коротких встреч; и от общей знакомой, которая нас, собственно, и познакомила, узнаю, Елена Дмитриевна тяжело заболела, а через какое-то время её не стало. Это случилось в 2006 году.

Воспоминания Елены Дмитриевны я записала в те дни, когда мы коротко общались, но, мне кажется, сегодня они актуальны как никогда раньше.

Из воспоминаний Елены Дмитриевны Карбышевой

Для моего папы Дмитрия Михайловича предвоенный год был радостным.

Произошло несколько важных событий в его жизни. Ему было присвоено звание генерал-лейтенанта инженерных войск. Приказом Народного комиссара обороны Союза ССР от 28 октября 1940 года папу наградили орденом Красного Знамени. Приказ зачитали по радио, и по этому поводу он сетовал: «Зачем о моём юбилее объявили по радио? Теперь все знают, что мне уже шестьдесят лет...». Он же выглядел очень молодо и ощущал себя совсем ещё молодым человеком.

Папу часто спрашивали, почему он не вступает в партию. Он как-то объяснил это маме: «Знаешь ли, мать, вступление в партию — очень серьёзный шаг в жизни человека. Совершить его надо, всесторонне обдумав. Надо внутренне почувствовать, что ты готов к этому, а также всей своей жизнью

Генерал-лейтенант
Д.М. Карбышев

доказать, что ты достоин быть коммунистом. Это очень большое доверие, и его надо оправдать».

Я согласна с папой, который считал, что сама коммунистическая идея по своей сути чем-то напоминает христианское учение. Моральный кодекс большевика близок христианским постулатам. Только вопрос, кто и как воплощает эту идею в жизнь. Если ты хочешь сделать что-то светлое, то это нужно делать честно и чистыми руками. У нас в стране по известным причинам вышло так, что была разрушена и уничтожена сама суть коммунистической идеи. Папа же искренне верил в «светлое будущее», верил, что страна идёт к чему-то великому и справедливому.

Только став генералом, доктором военных наук, профессором на кафедре тактики высших соединений, автором более сотни научных трудов по военной инженерии, он подал заявление и, спустя год, в декабре 1940 года был принят в члены Коммунистической партии.

В то время он написал мне: «Ну вот, дочка, свершилось важное событие в моей жизни. Я стал членом Всесоюзной Коммунистической партии большевиков».

Папа — бывший подполковник царской армии, получивший блестящее образование в царской России: он окончил Сибирский кадетский корпус, затем Военно-инженерное училище и Военно-инженерную академию. Осознанно перешёл на сторону большевиков и преданно служил своему Отечеству. Как-то он сказал: «Я, бывший офицер старой русской армии, служил не царю, а Отечеству и остался Отечеству верен».

Честь и защита Отечества были для него превыше всего. Выправка, манера поведения сразу выдавали в нём русского офицера старой закалки. Он обращался ко всем только на «Вы» и нас приучил к этому. Ещё со времён службы в царской армии он знал, как тяжело живётся солдатам, поэтому внимательно относился к их просьбам и всегда вступался за них.

У папы не было ни одного гражданского костюма, даже дома ходил в форме, снимая только ремень и португую. Когда было торжество, надевал мундир и брюки навывпуск. Он гордился военной формой, своим призванием и воспитывал нас, чтобы и мы, выбрав для себя профессию, гордились ею и верно служили Родине.

Папа всегда говорил, что одна дочь у него станет солдатом, а вторая балериной. Моя младшая сестра Татьяна Дмитриевна не стала балериной, она экономист. Я же действительно стала профессиональным военным.

В тридцать девятом году он подарил мне книгу «Артиллерия» с дарственной надписью: «Ляле от папы. Учись, дочка, трудись, дочка, будь готова защищать нашу Советскую Родину, дело Ленина — Сталина». Кого-то покоробят слова «дело Ленина — Сталина», но это наше прошлое, наша история. От таких вещей нельзя отказываться и нельзя насмехаться над этим. Как бы ни было больно и трагично, мы должны, осмыслив своё прошлое, рассказать всю правду детям о том времени, чтобы они не совершали наших ошибок. Должны научить детей уважать историю своего народа, какой бы она ни была.

Папа умел это делать. Он воспитывал нас строго, по-спартански. Он много внимания уделял нам, всегда следил за тем, что мы читаем, чем интересуемся, чем живём. По-другому он не мог, потому что был так воспитан своими родителями. Он понимал, что будущее детей — это и его будущее. Жили мы очень скромно, не было у нас ни шикарных нарядов, ни шикарной мебели. Вообще в это время многие жили скромно. Меня удивляет сегодняшшний вещизм. Деньги, дорогая машина, дорогая одежда ставятся во главе всего. Для нас ценным и дорогим была книга.

Сегодня 12–14-летний подросток знает, какая профессия «выгодная», а какая нет, и, исходя из этого, выбирает себе институт. Мы же не знали и даже не задумывались над тем, какая профессия в дальнейшем будет приносить нам больший доход. Я не знала, сколько получает папа, и никогда этим не интересовалась. Это было не интересно и не важно.

Мне часто задают вопрос, как удалось генералу Карбышеву уцелеть в страшные годы репрессий. Когда он получал награды и печатал свои научные труды, других офицеров и учёных расстреливали и ссылали в лагеря. Не знаю, что ответить. Я задавала эти вопросы маме, друзьям папы, его ученикам. Каждый выдвигал свою версию, но чёткого ответа так и нет. Возможно, само провиденье спасло его от сталинских лагерей, чтобы бросить в фашистский концлагерь и показать всему миру, что русский офицер, несмотря ни на что, всегда остаётся честен и верен своему Отечеству.

Папа был скромным человеком, никогда не рвался наверх, не старался занять чьё-то место. Когда ему предложили высокую должность, он, сославшись на возраст, отказался. «Молодым нужно уступать дорогу, а старики, как я, должны им помогать», — был его ответ.

Он не любил шумные компании, банкеты, где присутствовало высокое начальство, и, по возможности, старался не принимать

участия в таких торжествах. Отношения с руководством были только деловыми. Выезжая на юг отдохнуть, селился в домах отдыха не для высшего командования, а для офицеров среднего звена. Круг друзей у него был небольшой, общался в основном со своими учениками, предпочитая проводить время на полигонах и учениях.

В годы массовых арестов я была совсем юной девочкой и, конечно, не расспрашивала папу, как и что. Мы жили в большом доме на Смоленском бульваре, заселённом военными из высшего звена. В те дни многие наши соседи были арестованы. Об их арестах я узнавала по утрам, когда выходила во двор. В 37-м году у моей близкой подруги арестовали папу, затем маму. Я очень переживала. Папа меня успокаивал и говорил: «Ничего, Ляля, ничего. Всё будет хорошо, всё будет нормально. При всяком большом деле бывают издержки». О том, что могут арестовать и папу, не думала, почему-то казалось, что этого просто не может быть. Единственный раз я натерпелась страха за него, когда в четыре утра в нашу квартиру постучали. Моя комната была ближе других к входной двери, я первой услышала стук и страшно испугалась. Что делать? Разбудить родителей? Вдруг это за папой? Ведь аресты производили именно в эти часы. Наконец, решилась и открыла дверь. Как же обрадовалась, когда увидела, что это наша бывшая домработница. Она стояла в очереди за мукой, замёрзла и пришла к нам погреться.

Что касается самого папы — он также почему-то был уверен, что его не могут арестовать. Откуда такая уверенность? Не знаю. Но собранного на всякий случай чемоданчика в доме никогда не было. Даже сам этот вопрос папа не обсуждал с мамой. Хотя знаю, у брата мамы такой чемоданчик всегда стоял наготове.

Когда папе становилось известно, что арестован кто-то из его друзей или соседей, он всегда говорил: «Ничего, ничего, будет всё нормально» — и продолжал здороваться с членами семьи арестованного. Хотя все жильцы дома, как только становилось известно, что кто-то арестован, сразу же прекращали замечать своих соседей и бывших друзей.

Отдыхая на юге, мы познакомились с Е. Ковтюх, прототипом главного героя известного в то время романа «Железный поток». Когда его арестовали в Смоленске, его сын почему-то приехал к нам. Папа с ним куда-то ходил. Куда, я не знаю. Этот мальчик жил у нас больше недели. Папа же говорил: «Ляля, отвлеки его, сходи куда-нибудь с ним, постарайся уделить ему больше времени».

Вернёмся к предвоенному году. Папа, как человек военный, был в курсе многого, и он знал, что война будет, вопрос только

в том, когда она начнётся. В июне 1941 г. он был командирован в Западный Особый округ.

После войны его ученик, впоследствии генерал-лейтенант инженерных войск Евгений Варфоломеевич Леошня рассказывал мне, что у него с папой 6 июня 1941 года была последняя встреча. «Это было как раз накануне отъезда Дмитрия Михайловича в Белоруссию в командировку. У нас начался разговор о будущей войне, о возникновении новых взглядов и положений в тактике инженерных войск. Дмитрий Михайлович сказал: «Едва ли кто-либо из здравомыслящих советских людей думает, будто война на западе нас не касается, что у нас могут процветать мир, тишь, благодать. Нет, мы понимаем, что на самом деле война уже началась и для нас — настоящая, ужасная война. Ведь фашисты войну не “объявляют”».

С нами папа о войне не говорил, в его последних письмах, датированных июнем 1941 г., нет даже намёка на то, что обстановка на границе тревожная. Вообще, он был человеком очень внимательным, заботливым. Свои переживания и тревоги оставлял за порогом дома. Сказывалось прекрасное воспитание, кроме этого у него был какой-то внутренний такт, не позволяющий ему обидеть, оскорбить человека.

Сейчас очень многим мужчинам не хватает этого. Возможно, это упущение нашего поколения. Не смогли мы передать ту внутреннюю интеллигентность, которая было присуща русским офицерам и вообще образованным людям России. Слишком много бед выпало на долю нашего народа. Очерствели мы душой. Проходим мимо человеческого горя. Началось это, конечно, давно, когда мы были молодыми, и, к сожалению, продолжается и по нынешний день, принимая иногда совершенно уродливые формы.

Последнее письмо от папы мы получили 22 июня 1941 г., оно было датировано 18-м июня: «От Ляли получил одну телеграмму, от вас весточки нет... Пишу вам и Ляле пока аккуратно каждый день. По-видимому, эту неделю пробуду в Гродно, а затем уеду, куда ещё, точно не надумал. По-видимому, в конце недели переберусь в Белосток. Новый адрес сообщу, а пока пишите по старому».

* * *

От публикатора: В бою у реки Днепр Дмитрий Михайлович Карбышев был тяжело контужен и 8 августа 1941 г. в бессознательном состоянии попал в плен. Авторитет Карбышева как военного специалиста был высок, и гитлеровцы ещё до пленения генерала

Памятник Д.М. Карбышеву в Москве. Бульвар Генерала Карбышева.

внесли его в список тех, кого впоследствии рассчитывали использовать на службе Третьему рейху. Его поместили в офицерский концентрационный лагерь Хаммельбург, где велась активная психологическая обработка высокопоставленных советских офицеров с целью заставить их перейти на сторону Германии. Затем была одиночная камера в одной из тюрем в Берлине. Генералу предлагали квартиру с полным обеспечением, звание генерал-лейтенанта инженерных войск вермахта, доступ во все библиотеки и книгохранилища Германии и собственную лабораторию. Ответ всегда был один — нет. Его переводили из лагеря в лагерь (генерал до 1945 года прошёл через ОДИННАДЦАТЬ концлагерей!), условия становились всё более жёсткими, но сломать не могли. В 1943 году нацистами было принято окончательное решение относительно генерала: *«Карбышева можно считать безнадёжным в смысле использования у нас в качестве специалиста военно-инженерного дела. (...) Направить в концлагерь Флоссенбург на каторжные работы, никаких скидок на звание и возраст».*

Обстоятельства героической гибели генерала стали известны уже после войны. В ночь на 18 февраля 1945 года генерал Д.М. Карбышев в Маутхаузене был облит водой на морозе при -12°C и убит. Его тело сожгли в печах концлагеря.

16 августа 1946 года генерал-лейтенанту Д.М. Карбышеву посмертно присвоено звание Героя Советского Союза; в Москве и ряде городов СССР ему установлены памятники.